

ПОВЫШАЕМ СВОЮ КВАЛИФИКАЦИЮ

И.Н.ТИМОФЕЕВА,
старший научный сотрудник
Российской национальной библиотеки,
Санкт-Петербург

Книга и профилактика детской (подростковой) агрессии и насилия

(Взгляды А. Гуггенбюля и В.

“Единственное радикальное средство против экстремизма и жестокости — пишет автор нижеприведенной статьи, — это воспитание всесторонне развитого образованного и гуманного человека, патриота своей страны. В условиях рыночной экономики роль такого воспитания возрастает еще и потому, что готовит людей к социальному партнерству и сотрудничеству — залогом стабильности и процветания нашей Родины.

А воспитать таких людей, приобщенных к высотам человеческой культуры, повторяем, без книги и принципиального улучшения руководства детским чтением невозможно”. “Если ты обижаешь человека другой национальности, — значит, ты обижаешь свою Родину, свой народ, потому что позоришь их”. Психологи утверждают, что любовь к Родине — врожденное чувство, данное человеку от природы. Для радости бытия дети, подростки, юноши жаждут любить Родину, гордиться ею и очень огорчаются, когда слышат хулу своей стране”.

“Зловещее очарование насилия” — так называется монография выдающегося швейцарского психолога и педагога Аллана Гуггенбюля. Он является президентом Института по оказанию психотерапевтической помощи школам в разрешении конфликтных ситуаций и прекрасно знает жизнь и практику ¹⁾. Большая заслуга автора заключается в том, что он показал колоссальные масштабы жестокости и насилия в детской, подростковой и юношеской среде. Если на уровне бытового сознания экстремизм связывается в основном с криминалом, то в книге показан его поистине всеобъемлющий характер, начиная с семьи, детского сада, потом — в школе и на улице. Поражает не только масштаб агрессии, но и нравственная неразвитость ребят, угрожающая самим основам человеческого бытия.

¹⁾ Аллан Гуггенбюль. Зловещее очарование насилия: Профилактика детской агрессивности и жестокости. Борьба с ними / Перевод с немецкого Н.Скородума; редактор В.Земинский. — СПб., 2000. — 221 с.

По долгу службы А.Гуггенбюль ежедневно сталкивается с демоном насилия: в школе подростки избивали учителя, одноклассники изнасиловали в классе ученицу... **Если такие формы, к счастью, не являются массовыми, то издевательство над теми, кто слабее — норма быта: одного мальчика заставили целовать кроссовку одноклассника, другому на день рождения подарили кассету, но когда счастливый мальчик дома поставил ее, то услышал брань в адрес своей мамы... Особенно отвратительны поступки с налетом сексуальности.**

Все более грозным становится массовый экстремизм, когда хулиганство возводится в ранг традиций. Так, в Цюрихе в последний день учебного года ребята подрывают почтовые ящики, разбивают витрины магазинов, поджигают мусорные ящики и даже автомобили. “Таков мир, в котором живут наши дети”, — обобщает честный ученый.

Большая заслуга автора заключается и в том, что он вскрыл глобальную причину невиданного прежде разгула агрессии и насилия. Читая иссле-

дование, видишь парадоксальную картину: оказывается, рост насилия связан — с гуманизацией семьи и школы, которая (гуманизация), в свою очередь, — результат таких прогрессивных явлений, как демократизация общества и защита прав человека. Мировой опыт показывает, что демократические свободы и ценности предъявляют к человеку, а, следовательно, и его воспитанию повышенные требования. На практике же все оказалось с точностью наоборот. Дело в том, что еще лет 30 тому назад в Швейцарии, как и в некоторых других странах Европы, обязательным атрибутом школы был ремень, а после его отмены **педагоги бросились в другую крайность — абсолютизировали свободу ребенка и принизили роль воспитания, усмотрев в нем** насилие и ущемление прав. Отсюда противоречивость педагогики А.Гуггенбюля как теоретика и практика. В начале 90-х годов у нас тоже переняли эту ошибочную теорию, что принесло нашей стране и детям большой вред¹⁾. Мы слишком долго жили за “железным занавесом”, поэтому **идеализировали зарубежные страны**, а, главное, не сумели осмыслить **величие учения В.Сухомлинского, которое впитало в себя лучшие традиции отечественной педагогики**, и не смогли подарить его человечеству.

Для педагогики В.Сухомлинского характерен **приоритет духовности: бытие определяет сознание, но ведь и сознание определяет бытие**. В.Сухомлинский блистательно раскрыл эту диалектику, показав могучую силу и огромное значение воспитания: **“Три несчастья есть у человека: смерть, старость и плохие дети. Старость — неотвратима, смерть — неумолима, перед этими несчастьями никто не может закрыть двери своего дома. А от плохих детей дом можно уберечь, как от огня”**.

И сегодня, когда с Запада накатывает на нас волна насилия и разврата, усмотрим в этом **наказание за нашу невольную вину и постараемся вместе с зарубежными коллегами разобраться в нашей общей беде, чтобы помочь детям**.

Аллан Гуггенбюль — педагог трагического звучания, потому что не верит в победу добра над злом. Вот как об этом сказал он сам: “гармония человеческих отношений — это утопия, однако, возможно, нам удастся научить детей и подростков выяснению отношений без нанесения серьезных увечий; их споры, борьба и перебранки не должны переходить в мордобитие”. Благородный человек, душой болеющий за каждого ребенка, он обратился к нам со страстным призывом: “Когда школа становится местом пыток и мучений детей, а разборки во время перемен перестали носить характер безобидных шалостей, учителя, психологи и родители не могут делать вид, что это не их ума де-

ло, и должны попытаться найти выход из создавшейся ситуации”.

Безысходность педагогики А.Гуггенбюля проистекает из его представления о теневых сторонах человеческой природы как об основополагающих и непобедимых, отсюда — недооценка воспитания. В сущности, вся его педагогика направлена на преодоление конфликтов, которых при нормальном воспитании и быть-то не должно. Вот характерный пример. Мальчики по дороге в школу забавлялись тем, что срывали со слабовидящей девочки очки и потешались над ее беспомощными движениями и плачем. Ясно, что перед нами педагогически запущенные ребята, но в книге не об этом речь, а о фатальном “зловещем очаровании насилия”. Ошибочность позиции наглядно видна в сравнении с педагогикой В.Сухомлинского, который считал, что **мальчик уже в 8 лет должен понимать, что он мужчина не только в будущем, но уже сейчас**, и вести себя соответственно как защитник и покровитель слабых, **самоутверждаясь на этом благородном чувстве, глубоко заложенном природой в натуре мужчины, отца**. В.Сухомлинский, в отличие от А.Гуггенбюля, считал воспитание величайшим благом для ребенка в детстве и на всю жизнь, при этом он делал ставку на **светлые стороны человеческого естества, которые тоже являются «антропологической константой» потому что без любви не может быть и жизни**. Кошка не только ловит и ест мышей, но и самоотверженно любит своих котят. Своей работой учителя и директора школы В.Сухомлинский доказал, что **человек с детства и навеки может жить в гармонии с самим собой и с миром. В его школе отношения между учениками, между учениками и учителями были “тонкими и нежными”**.

Такую же гармонию В.Сухомлинский стремился установить между ребенком и его родителями, между ребенком и окружающими его людьми. В книге “Как воспитать настоящего человека” (М.: 1990 г.) есть такие главы: “Как учить детей любить своих родителей”, “Как воспитать гармоничные отношения между родителями и детьми”, “Как воспитать в своем питомце способность к соучастию и сопереживанию”, “Как воспитать у детей доброжелательность”, “Как побуждать детей к благородным поступкам?”, “Как учить чуткому и тактичному поведению” и т.д.

Значение этой повседневной, целенаправленной работы становится особенно очевидным, когда читаешь книгу А.Гуггенбюля и видишь, какие трагедии происходят, когда отношения между людьми не облагораживаются культурой, воспитанием. Даже отношения между родителями и детьми, самыми близкими и родными людьми, доходят до неприязни и даже яростной ненависти (“Проблематика отношений родителей и детей”, “Недовольства и споры суровая реальность семейных от-

¹⁾ См. об этом в статье академика Л.Д.Левитеса “Школа и безопасность страны: что между ними”, напечатанной в журнале “Начальная школа: плюс минус”, 2—2, № 4, с.7 — 13.

ношений”). А. Гуггенбюль тонко вскрывает психологические причины конфликтов между родителями и детьми, но считает их фатальными, неизбежными.

Говоря о противоречивости книги А. Гуггенбюля, надо сказать, что глубоко и всесторонне проанализированная жизнь вопиет против ошибочных установок. Так, автор одобряет, когда учитель перестает быть “авторитарной” фигурой и становится “членом группы”, но из приведенных примеров видно, что дети чувствуют фальшь положения и получают уродливое развитие. **Так называемые лидеры “становятся негодьями и самодурами”, потому что утверждают за счет унижения и страданий других детей, которые, в свою очередь, растут забытыми и несчастными.** Ошибочная теория, принижающая роль воспитания, ниспровергается и блистательной деятельностью самого А. Гуггенбюля, которая, по сути, является педагогикой в самом высоком смысле этой великой науки. Исходя из объективных законов психики, ученый анализирует формы проявления детской и подростковой агрессивности и предлагает практические способы управления ею, указывая наиболее эффективные методы разрешения и даже недопущения конфликтов.

Страницы о работе экспертной группы по оказанию помощи школам в преодолении конфликтов — одни из самых интересных и поучительных. Только один пример — “эксперты стремятся отыскать и активизировать собственные ресурсы класса... Речь идет об усилении позиций той части учащегося, которые способны позитивно влиять на класс, наделены миротворческим потенциалом. В результате этого право решающего голоса перейдет от трудных подростков к детям, хорошо адаптирующимся в коллективе. Но ведь это — полное совпадение с теорией нашего А. Макаренко **о формировании человека через коллектив, которым дирижирует умный педагог.**

Подчеркнем положения книги, особенно актуальные для российской педагогики сегодня. Традиционно в нашей стране причину агрессии и насилия видели только в социуме, хотя такая позиция заводила в тупик, потому что не давала возможности понять, почему в одних и тех же обстоятельствах разные люди и ведут себя по-разному, одни становятся бандитами, а другие преодолевают жизненные трудности толерантным путем. В книге А. Гуггенбюля тоже рассматриваются общественные проблемы (о трудных семьях, о проблемах детей эмигрантов, о столкновениях на этнической почве), но основное внимание сосредоточено на глубинно-психологических корнях феномена насилия, которое исходит из глубочайших недр нашей души и является “антропологической константой”. Такая установка ориентирует на поиски глубинно-психологических причин повышенной агрессивности того или другого ребенка в связи как с его наследственным фактором, так и с

обстоятельствами жизни (“Насилие — измерение нашего бытия”, “Опасность “пуританской” позиции”, “Что нас пугает в наших детях”).

Очень актуальны для нас и главы, где анализируется групповая психология детей (“Власть банды”, “Школа в качестве арены деятельности банды”). Основой работы с детьми А. Гуггенбюль считает организацию их жизни и большое значение придает традициям, ритуалам, и в этом он идентичен нашей педагогике, в частности, В. Сухомлинскому (“Хоумбой” или потребность в создании собственного мифа”, “Ритуалы как средства против насилия”). Остановимся на этом подробнее. Однажды мне довелось услышать, как опытный, мудрый директор одной из петербургских школ сокрушался по поводу развала пионерской организации: “Вместо того, чтобы просто снять политическую риторiku и оставить гуманистическое содержание и великолепно разработанную методику воспитания, порушили все. Теперь не знаешь, как и работать...” Глубину и тревогу этого заявления я поняла, когда узнала из книги Гуггенбюля, что групповая психология — глубинное свойство психологии ребенка и что потребность “членства в группе” необходима ему для душевного комфорта и познания человеческих отношений. “В группе происходит спонтанное обучение жизни в социуме”, — утверждает автор и делает важное заявление: “дети в группе получают знания, которые невозможно включить ни в один школьный предмет”. Наблюдая за своей внучкой Настей (9 лет), вижу, как обеднили ее детство, как бы она хотела быть сначала октябренок (назовите по-другому, если не нравится), потом — пионеркой и с какой бы радостью шагала с друзьями по ступенькам нравственного и гражданского возмужания. Летом была в лагере. Самое сильное впечатление — когда на утренней линейке поднимали флаг и пели гимн. Флаг, гимн, галстук — все связано с государственной символикой России. Понравился и девиз: “В борьбе за счастье Родины и дружбу народов будьте готовы!” — “Всегда готовы!”

Национальное достоинство предполагает уважение и симпатию ко всем народам, что легко объяснить даже малым ребятам: **“Если ты обижаешь человека другой национальности, — значит, ты обижаешь свою Родину, свой народ, потому что позоришь их”.** Психологи утверждают, что любовь к Родине — врожденное чувство, данное человеку от природы. **Для радости бытия дети, подростки, юноши жаждут любить Родину, гордиться ею и очень огорчаются, когда слышать хулу своей стране.** Как-то, в годы холодной войны, мой покойный муж, учитель, рассказывал, как однажды ему довелось утешать девочку, дочь работника американского посольства, которая заплакала на уроке, услышав критику в адрес США. Печаль наших детей в подобных случаях не меньше, только мы ее не замечаем.

А.Гуггенбуль убедительно показал, что групповая психология — объективная реальность и в случае, когда взрослые не управляют ею, ребята сами сбиваются в группки, стаи. Для этих групп характерно жесткое подчинение своих членов, агрессивное поведение и самостоятельная выработка идеологии (мифологии), цель которой противостоять миру взрослых, шокировать его.

В связи с этим не могу не сказать о так называемых скин-хедах (бритоголовых), которые рядятся в фашистские одежды, избивают инородцев и славят Гитлера. Как-то по телевизору показывали парня лет пятнадцати, а может меньше. Спрашивают: “За что били девочку?” — “За то, что китайка” (в смысле китайка) — тупо отвечает он. Как же мы виноваты перед своими детьми!

В начале 90-х годов СМИ, выполняя определенные установки, долго и жестоко унижали Россию. Президент В.В.Путин положил этому конец, чем заслужил признательность народа, но рецидивы устойчивы. Недавно по телевизору показывали неуважительную передачу о Зое Космодемьянской, и подумалось, что из всех форм иждивенчества самая подлая — неблагодарность к защитникам Отечества. А в связи с 60-летием гибели “Молодой гвардии” в Краснодоне с экрана телевизора, и опять по первому каналу, прозвучала весьма двусмысленная оценка их борьбы, и вспоминались слова В.Сухолинского: “Стыдись, если в твоём сердце нет святынь!”. Унижение россиян усматриваю и в том, что русское искусство, с его гуманистическими традициями, вытесняется с экранов телевизора и радио эфира низкопробными зарубежными произведениями, пропагандирующими зло и насилие, а в музыке — примитивизм. Дети и подростки воспринимают засилье иностранщины двояко: с одной стороны, они подражают ей в моде, музыке, манерах. А, с другой, — неосознанно тоскуют о своем, родном. Если к этому добавить нравственную неразвитость и необразованность, незнание истории второй мировой войны, то станет понятным такое дикое, невероятное для нас явление, как идеализация А.Гитлера. Опыт мировой истории показывает: народ, нацию унижать нельзя — это опасно!

Вернемся, однако, к педагогике А.Гуггенбуля, который считает, что для профилактики и борьбы с детской (подростковой) агрессией и насилием детям (подросткам) надо рассказать о существовании теневых сторон в природе человека и мобилизовать их внутренние силы для самоконтроля, для подавления в себе агрессии. С этой целью проводятся сеансы психотерапии, на которых ребята читают сказки, мифы, рассказы, истории. Казалось бы, все правильно, но вызывает возражения характер произведений: “...все предлагаемые истории должны оставаться в диапазоне от зловещего до устрашающего. Все они полны сцен ужаса, в которых людям отрубают голову, сжигают их. Четвертуют или подвергают преследованиям чудовищ. Все,

что мы рассказываем детям, проникнуто ощущением страха...”. Но и это еще не все, по мысли А.Гуггенбуля, важно, чтобы дети сами создавали собственные картины ужасов, а не только получали их в готовом виде из книг и фильмов. Тогда, пережив этот кошмар виртуально, дети избавляются от потребности инсценировать его в жизни (“Работа с классом: мифодрама”, “Путешествие Александра”). Конечно, ребята любят страшные сказки, но “очарование страшным” — не обязательно жестокость. В лучших книгах оно воссоздается художественными, поэтическими средствами, например, в русской народной сказке “Медведь” в пересказе К.Ушинского, в мифах Древней Греции, где Геракл убивал не людей, а чудовищ, многоглавых гидр и драконов. И сказка, и мифы оканчиваются благополучно в то время, как в устрашающих произведениях, по мысли А.Гуггенбуля, финал должен быть зловещим и безысходным. Так построены и многие триллеры, часто передающие мировосприятие душевнобольных людей с их слуховыми и зрительными галлюцинациями, что вообще опасно, особенно для нервных, впечатлительных детей.

В сущности, книга А.Гуггенбуля — теоретическое обоснование и оправдание современного деструктивного искусства, которое ныне господствует на телеэкранах всего мира и получило широкое распространение в литературе, в том числе — детской. Я не психотерапевт, и не мне судить, как лечить патологически агрессивного и жестокого ребенка, но для нормальных, обычных детей эта практика, по-моему, непригодна и опровергается жизнью. Так, по данным американских социальных психологов, **средний подросток к двенадцати годам успевает посмотреть по телевизору 100 тысяч сцен насилия**. Если бы виртуальные переживания вели к умиротворению, то мы давно бы жили в мире идиллий. Но, увы, сам же А.Гуггенбуль в главе “Насилие в средствах массовой информации” говорит, что дети по-разному реагируют на сцены насилия: у одних они вызывают отвращение и испуг, другие действительно виртуально удовлетворяют свое природное стремление к агрессии, а для третьих — это пример для подражания, тем более, что жестокость современный ребенок видит с самых ранних лет, воспринимая ее как норму жизни. Замечено, что в наши дни многие дети спокойно созерцают, как на экране мучают, пытаются человека; не уверена, что равнодушие к страданиям людей не перейдет и в жизнь. Во всяком случае, библиотекари заметили изменения в читательской психологии современных ребят: если раньше детей увлекали книги, вызывающие сильные переживания, то теперь многие младшие школьники не хотят соперничать, а жаждут вечно-го веселья и забав, поэтому им скучны такие рассказы, как “Белый пудель” А.Куприна и “Гуттаперчевый мальчик” А.Григоревича, над которыми прежде было пролито столько детских слез.

Противоречивость, непоследовательность А.Гуггенбюля проявилась и в отношении к детскому чтению. С одной стороны, он предпочитает давать детям иррациональные произведения, а с другой — очень точно сформулировал духовную деятельность ребенка, читающего книгу: она в познании реальной действительности и самого себя.

“Мифы и сказки, предлагаемые вниманию детей, — писал он, — должны содержать проблемы, трудности и искушения, с которыми дети сталкиваются в классе”. При этом он подчеркивал психологический аспект сходства, т.е. мыслей, чувств, переживаний. Понимание детского чтения как труда души полностью совпадает со взглядами В.Сухомлинского, который **главный смысл руководства чтением видел в том, чтобы с малых лет и на всю жизнь выработать у растущего человека внутреннюю потребность в том, чтобы, читая, размышлять о жизни, о себе, о человеческих отношениях и получать от этого величайшее наслаждение.**

Подчеркивая сходство педагогов, отметим и различие, правда, по частному вопросу: А.Гуггенбюль считает морализирование, назидательность — неэффективными, а В.Сухомлинский, следуя традициям Л.Толстого и К.Ушинского, сочинял для детей младшего возраста поучительные притчи (“Старый пес”, “Материнское счастье”, “Потому, что я человек” и др.), а для старших — “Поучения”, перечни добродетелей и пороков (“Что значит быть хорошим сыном (дочерью)”, “Как воспитать в себе чувство совести”, “Законы дружбы”, “Кодекс человеческой порядочности” и др.).

Почему В.Сухомлинский писал поучения? Потому что **главным методом воспитания он считал “слово” — самое важное и самое трудное, что есть в педагогике. Но “слово” воздействует только в том случае, если ребенок “хочет быть хорошим” и ему позарез надо узнать, как им стать.** Книга — это тоже слово — слово великих поэтов, писателей, ученых и просто умных, талантливых и благородных людей, поэтому ей В.Сухомлинский придавал огромное значение, о чем скажем позднее, а сейчас отметим, что и А.Гуггенбюль и В.Сухомлинский считали, что человека, даже маленького, нельзя воспитать против его воли: “можно принудить к поступку, но заставить быть невозможно”, — говорил Василий Александрович и развил эту мысль в ряде своих высказываний: “Никакой воспитатель не может утверждать в душе ребенка хорошее, если сам ребенок не стремится к этому. И еще: помните, мать и отец, воспитатель и ученый педагог, что... единственная реальная сила воспитания — стремление быть хорошим. Ни на что другое опираться нам нет возможности. Все остальное пустопорожня болтовня”.

Итак, оба педагога едины в том, что человека нельзя воспитывать против его воли. Но из этого

правильного постулата они делают прямо противоположные выводы. А.Гуггенбюль считает, что надо поменьше вмешиваться в дела ребят. В частности, в этом духе он выразился в связи с массовым хулиганством детей и подростков на улицах Цюриха, о которых уже шла речь. А.В.Сухомлинский — сторонник постоянного, непрерывного воспитательного воздействия на ребенка, но через стимулы, активизирующие его желание, волю в нужном направлении. Поясню эту мысль бытовым примером.

В 3-ем классе, после лета, Настя никак не могла войти в рабочий режим и каждый день приносила из школы двойки и замечания. Не помогал ни кнут, ни пряник. Тогда я сказала: “Мама не может поправиться (она болела тогда), потому что нервничает из-за тебя, и болезнь не отпускает ее, видишь, какая она худая и бледная”. Воздействие на ребенка — прямое и быстрое. Уже на другой день Настя при ее хорошей подготовке принесла из школы четверки и пятерки. Сначала она очень старалась для мамы, а затем втянулась в учебу, вошла во вкус. Конечно, как у всех детей, у нее и потом были срывы, и всякий раз приходилось что-то придумывать, чтобы стимулировать ее внутренние силы для преодоления трудностей. Воспитание потому и творчество, что каждый случай индивидуален и требует размышлений и новых решений, порой ошибаешься, не всегда получается, но главное — найти новый повод для стимула. В.Сухомлинский считал книгу самым мощным и постоянным стимулом для мобилизации внутренних сил ребят на самоусовершенствование, самообразование и самовоспитание.

Сегодня в наших школах, слава Богу, нет пока еще такого кошмара, как в Швейцарии, но тенденция на ужесточение нравов просматривается со всей очевидностью, известен и рост детской (подростковой) агрессии и насилия вплоть до ее криминализации. В СМИ сейчас много пишут о социальных корнях этого явления и экономических путях его преодоления, меньше акцентируются вопросы воспитания, особенно важные для профилактики зла, ибо человек, как известно, не рождается бандитом, убийцей и вором.

В решении задачи гуманизации людей первостепенное значение принадлежит книге, используемой буквально с первых лет жизни “дитяти”. Сейчас, к счастью, стали говорить о роли книги для воспитания у детей толерантности и даже составляют списки произведений для детей разного возраста о доброжелательности, уважительности, терпимости. Показывать детям образцы правильного поведения всегда полезно, но главное все-таки в другом: не воспитание отдельных черт характера (это мы уже проходили!), а воспитание личности, воспитание активного, волевого человека с гуманными представлениями о целях, о смысле жизни, о ее качестве с приоритетом духовности

(любовь к семье, Отечеству, науке, искусству и т.д.). Такого человека без книги не вырастишь. Какие страстные, какие пронзительные слова находил В.Сухомлинский, говоря о необходимости приобщения каждого ребенка к чтению: “Я добивался и того, чтобы без чтения и перечитывания любимых книг, без уединения за любимой книгой жизнь казалась моим мальчикам и девочкам мрачной темницей (подчеркнуто мною — И.Т.). Чтобы бесценным и вечным богатством человек считал только книгу — все остальное преходяще” и еще: **“Я вижу воспитательную задачу исключительной важности в том, чтобы чтение стало самой сильной, неодолимой духовной страстью каждого ребенка, чтобы в книге человек на всю жизнь нашел привлекательное и роскошное общение с мыслью, красотой, величием человеческого духа, неисчерпаемым источником знаний. Эта одна из элементарных закономерностей воспитания: если человек не нашел в школе мира книг, если этот мир не открывал перед ним интеллектуальных радостей бытия, школа ничего ему не дала и он ушел в жизнь с пустой душой”**.

Отметим **три основные черты** В.Сухомлинского как руководителя детским чтением. Во-первых, великий педагог считал, что ребенка надо научить воспринимать и наслаждаться литературой как искусством слова, и что для этого особенно благоприятны **первые годы жизни**, когда каждый человек — гениальный лингвист. Свой опыт работы с малышами он описал в книге “Сердце отдаю детям”. Во-вторых, В.Сухомлинский **строго относился к отбору книг** для детского чтения. Он сэкономил духовные силы ребенка и воспитывал у него хороший художественный вкус — надежный иммунитет против пошлости и низкопробного чтива. **В его школе была так называемая “Вечная библиотека”** — так возвышенно и поэтично он называл классику отечественной и зарубежной литературы, лучшие книги современных авторов, художественные и познавательные: “невозможно допустить, чтобы в эту библиотеку попала хоть одна “однодневка” и в то же время нельзя пропустить ни одной ценной вещи”. В третьих, как всегда у Сухомлинского-диалектика: при строгом руководстве он, тем не менее, считал **свободу чтения** обязательным условием его эффективности: “Чтение без принуждения, чтение без установки на запоминание — главное условие развития умственных способностей, становление творческого ума и — нравственности”. Его старшеклассники ежедневно просыпались на два часа раньше, чтобы утром, когда душа еще не замутнена будничными впечатлениями, читать достойные книги, духовно общаясь с их авторами.

Высокое читательское развитие учеников В.Сухомлинского объясняется и тем, что в его

школе, как в то время повсеместно, существовала пионерская организация, которая, как известно, окружала книгу романтическим ореолом: чтение рассматривалось как выполнение октябрятского (пионерского) долга, а в самодеятельности октябрятских звездочек и пионерских звеньев большое место занимали различные формы работы с книгой: громкие чтения и литературные игры, викторины, конкурсы, театральные инициативы и др.

А.Гуггенбуль, повторяем, придает большое значение ритуалам и традициям в воспитании, что подтверждается и нашим опытом. В последнее десятилетие было несколько попыток заменить пионерскую организацию английским движением скаутов — не вышло, потому что не связана с нашими национальными корнями. Думается, что нет никаких доводов против восстановления пионерской организации с идеологией общечеловеческих ценностей.

В советские времена чтение из потребности думать и чувствовать было присуще большинству нашего народа — самого в ту пору читающего народа в мире. Сейчас положение в корне изменилось.

Мне уже доводилось писать о том, что это несчастье произошло из-за того, что в начале 90-х годов распалась государственная система руководства детским чтением, основанная на традициях русской национальной педагогики, у истоков которой стояли Л.Толстой и К.Ушинский. Без возрождения этих традиций проблеме воспитания у подрастающего поколения толерантности нам не решить. И вот почему А.Гуггенбуль предлагает для профилактики и борьбы с детской (подростковой) агрессией и насилием психотерапевтические средства. Они полезны, и хорошо, что в последние годы у нас созданы службы психологической поддержки, такие, как “телефон доверия”, хорошо, что в библиотековедении стало развиваться такое направление, как библиотерапия. Но это скорая помощь при экстремальных обстоятельствах, до которых и доводить-то нельзя. Психотерапия локальна и не снимает причин агрессии и возможных рецидивов. Единственное радикальное средство против экстремизма и жестокости — это, как уже было сказано, — воспитание всесторонне развитого образованного и гуманного человека, патриота своей страны. В условиях рыночной экономики роль такого воспитания возрастает еще и потому, что готовит людей к социальному партнерству и сотрудничеству — залогом стабильности и процветания нашей Родины.

А воспитать таких людей, приобщенных к высотам человеческой культуры, повторяем, без книги и принципиального улучшения руководства детским чтением невозможно.